

О древнем, среднем и новом стихотворении русском

Поэзия как подражание естеству, и как истине подобие, есть одна и та ж по свойству своему, во всех веках и во всех местах у человеческого рода. Но способ речи, или стих, коим обыкновенно изображается поэзия, находится многообразен в различных наро-

дах. Есть сложение стихов, которое долготою и краткостию времени меряет слоги речений. Есть кои в ударении просодиею на слоги поставляет долготу оную, но уже возвышающую токмо слоги без протяжения, а неударяемые или понижаемые пред первыми называет краткими складами. Есть иное, где нет ни первого, продолжением и сокращением меряющегося, слогов количества, ни последнего, называемого тоническим, да токмо есть в нем одно число складов, определенное каждому стиху порознь. Все вообще на разных языках стихи, иные не соглашают подобным звоном окончаний предыдущего стиха с последующим непосредственно. А иные таким равногласным звоном в согласие их приводят, что иные называются рифмою. Но и сия и самая рифма также в стихах различна: иногда она односложная, называемая мужскою, иногда двусложная женская, иногда и трехсложная обоюдная, то есть ни женская, ни мужская или женская и мужская совокупно. Из рифм инде в стихах употребляется одна женская, инде одна ж мужская и женская по пременам: а сия точно премена и проиеновалась ныне сочетанием. Присовокупляется некогда к сочетанию сему в наших стихах и обоюдная она рифма, ибо прозаические наши периоды сею тройственною разностию оканчиваются, хотя впрочем и чаще и для нашего слуха мернее двусложною стопою хорей. <…>

Здесь намерен я сообщить читателям историческое описание, касающееся особливо до Российского нашего стихосложения, древнего, среднего и нового. Так что к признанию и определению первобытного нашего сложения стихов послужит мне, за неимением надлежащих и достопамятных, оставшихся от древности нашей образцов, одна только вероятность. Но среднее и новое потщусь изъяснить при всей возможной твердости, самую точную достоверностию.

Бесспорно, во всех человеческих обществах, от самой первоначальной древности, богослужители были первенствующими стихотворцами и владели стихами всюду, как законным и природным своим наследием. Стихами не токмо прославляли они божество, но и достоинство свое отменяли сим родом речи от общего и простого слова. Посему и наши языческие жерцы, без сомнения, такое ж равно преимущество имели и были главные и лучшие в наших обществах слагатели стихов. Итак, способ, бывший у них обыкновенным в составлении стиха, долженствует быть самое древнее стихо-

творение наше. Но что за род был стиховного их того состава, ныне нам видеть достоверно не по чему. Не осталось нигде для нас, по крайней мере неизвестно нам всем поныне ни о самом малом образчике, оставшемся от языческого нашего стихотворения: истребило его наставшее благополучно христианство. Однако можно весьма вероятно, и почитай достоверно, представить его здесь, воскресив в потомстве побочным пред наше зрение. <…>

Но чем я, спросят, толь прямо сие утверждаю? Не подозрительными, ответствую, и живыми свидетелями. Простонародные наши и те самые древние песни сие точно свойство в стихосложении своем имеют. <…> Народный состав стихов есть подлинный список с богослужительского: доказывают сие греческий и римский народ, а могут доказать и все прочие, у коих стихи в употреблении. Воззрим же теперь на начало нашего христианства: видим мысленно сущую нужду его, токмо то истребить у нас, что непосредственно до богослужения ложного касалось; на народные, гражданские и дружеские употребления не с толиким с начала рвением оно взирало. Так точно сие было в самой первенствующей церкви, от язычников еллинов обратившейся; так равно надлежало быть сему и в нашем первоначальном христианстве: обстоятельства проповедников и церковных дел того требовали.

Итак, многодельное тогда первое наше христианство, хотя искоренило все многобожные служения и песенные прославления мнимым богам и богиням, однако с пренебрежения или за упражнениями не коснулось к простонародным обыкновениям: оставило ему забаву общих увеселительных песен и с ними способ (совершенно во всем подобный богослужительскому, как то сие ниже подтверждено будет) сложения стихов. Сие точно и есть первородное и природное наше, с самой отдаленной древности стихосложение, пребывающее и дондесь в простонародных, молодецких и других содержаниях, песнях живо и цело.

Начавшееся у нас христианство, истребившее все идольские богослужения и уничтожившее вконец сплетенные песни стихами похвалу идолам, лишило нас без мала на шестьсот лет богочтительного стихотворения. Пребывало двоюродное родство его токмо, чтоб так сказать, как в залоге у самого оною простого народа, в подлых его песнях и превосходило от века в век не без престарения. И хотя ж христианство награждало нас духовными песнями по

временам, благороднейшими языческих и по содержанию и по сладости, и по душевной пользе, однако всех таких священных гимнов, стихир и двустихий перевод нам предан прозою. От сего, сверх природных способностей, вкоренилась между нами проза за единственный способ речи, а заключенное мерами и числами слово, то есть стихотворение оное важнейшее, совсем позабыто. Ибо простонародное стихосложение за подлость стихотворцев и материй от честных и саном знаменитых людей презираемо было всеконечно, так что и поныне, но уже незнающие и суетно строптивные люди зазирают неосновательно, ежели кто народную старинную песню приведет токмо в свидетельство на письме, хотя и с извинением в необходимости о первоначальном нашем стихотворении.

Пребывала таким образом наша церковь с X века по XVI включительно без стихов, собственно так называемых по составу, имея впрочем стихи, только ж в прозе. Наконец, 1581 уже года явились стихи первократно при библии Острожской на нашем языке, состав тех стихов есть во всем неисправный: недостаточна в них мера, недостаточно число, рифма недостаточна; все первоначальное, рукотворимое ль оно или производимое разумом, таково обыкновенно по большей части бывает. <...>

Тридцать восемь лет спустя, после стихов при Острожской библии, а именно в 1619 году, Мелетий Смотрицкий, монах Виленского братства, муж искусный в греческом и латинском языке, издал при грамматике своей славенской совершенно различный состав стихосложения с тем, какой показала как в опыток Острожская библия. Неизвестно, способ ли ему рифмический не полюбился или так он был влюблен в греческий древний и латинский способ стихосложения, что составил свой, для наших стихов, совсем греческий и потому ж латинский. <...>

Но коль ни достохвальное сие тщание Смотрицкого, однако ученые наши духовные люди не приняли сего состава его стихов, остался он только в его грамматике на показание потомкам примера, а те утверждались отчасу более на рифмических стихах среднего состава, приводя их некоторую исправность с образца польских стихов. <...>

В прошедшем непосредственно веке, в средних его летах, когда Петр Могила, митрополит Киевский, завел так называемую Академию в Киеве, а способ учений и весь порядок взял с образца

польских училищ, то и стихотворение польское, с языком, пришло в ту Могилеанскую Киевскую академию. Профессоры употребили способ стихосложения польского и на славенороссийском языке. <...>

Сие впрочем достоверно, что с времен Симеона Полоцкого, иеромонаха, жившего в Москве, польского состава стихи начали быть в составлении постоянны и одноличны на нашем языке, а вероятно, что он был и первый самый стихотворец у нас в великой России на славенском языке. <...>

Следуют теперь великороссийские стихотворцы. Монах некто, прозванием Медведев, ученик Симеона Полоцкого, много, как говорят, писал стихами. Но печатных я не видел нигде. <...>

Карион Истомин, монах, быв справщиком на Печатном Московском дворе, издал букварь в лицах и описал вещи в нем изображенные нравоучительными стихами: напечатан в Москве, 1692 года.

Федор Поликарпов, муж искуснейший в греческом, славенском и латинском языках, прежде справщик, а потом Директор на Печатном Московском дворе, многие написал стихи, из которых все, по частям, в разных книгах напечатаны, а именно, в учебной азбуке, в новом завете, в некоторых других церковного круга книгах, в триязычном букваре, печатанном в Москве 1701 года, в триязычном его лексиконе 1704 года в Москве ж.

Леонтий Магницкий, муж сведущий славенский язык, сущий христианин, добросовестный человек, и в нем же льсти не было, первый российский и арифметик и геометр, первый и издатель и учитель в России арифметике и геометрии. Сей, в арифметике своей, в десть напечатанной в Москве 1703 года, издал стихи на крест и герб государев. <...>

Князь Антиох Димитриевич Кантемир, знаменитый по роду своему и толь славный по наукам, ученик в российском стихотворстве, но ученик, прославляющий, именем и удобопонятностию, учителя своего <...> Илинского. Стихотворных его сочинений много, а лучшими почитаются сатиры, сочиненные по подражанию французским Боаловым и авторовыми собственными примечаниями изъясненные, из которых первая сочинена в Москве 1729 года, да и поныне еще все они письменные только обносятся.

Петр Буслаев, острый и словесный человек, сей по совершении богословского своего курса был сперва диаконом в Московском

Успенском соборе, а по смерти своей жены оставил сей чин и жил до смерти простолюдином. Сочинил он поэму на смерть самой добродетельной, боголюбивой, странноприимной и благоразумной в жизни жены вдовствовавшей, баронши Марии Иаковлевны Стронаговой, а напечатана та его поэма в Санктпетербурге при Императорской академии наук 1734 года. <…>

Довольно мною и стольких, когда хороших, стихотворцев наших по сему среднему, или польскому, составу стихов из белорусцев, малороссийцев и великороссиян. Но можно праведно и без пристрастного предвозлюбления сказать, что великороссияне в сем составе стихов превосходят <…> всех других, упомянутых мною. <…>

Приступая к описанию нового нашего стихосложения, ныне от всех стихотворцев у нас воспрятаго и многими достохвальными и достопамятными сочинениями введенного и подтвержденного, принужден объявить с некоторым поистине устыждением и внутренним отвращением, хотя и сущую правду, что я в нем самое первое и главнейшее участие имею. <…>

Но впрочем, кто как ни изволит о сем рассуждать: я токмо доношу самую истину, что по возвращении моем в отечество 1730 года, в сентябре месяце, начал я себя производить по молодости и по французскому духу в обществе некоторыми стишками, сочиненными по составу среднего онаго стихосложения. Читаемы они были от некоторых не без довольных мне похвал, без сомнения не по правде, но с некоторым родом збойства и насмеяния приносимых. <…> Но, по сочинении чего-нибудь, на какую пьесу ни посмотрю, вижу, что она не состоит стихами, выключая рифму, но точно странными некакими прозаическими строчками. Напоследок выразумел сему быть от того, что в них не было никакого, по равным расстояниям измеренного, слогов количества. Смотрицкого количество, выше мною объявленное, ведомо мне было, но чувствовал я и то совершенно, что оно нам всеконечно несродно.

Что больше? Тотчас напал я на возвышение и понижение голоса в складах просодиею, то есть на тоническое слогов количество. Потом непосредственно и на стопы: ибо кто нападет на первое, тот не может тогда ж не напасть на другое. Если голосу на складах повышаться несколько по определенным расстояниям, то есть или от ударения к неударению, или вопреки падать; то не можно при оди-

наких слогах порознь остаться в мере и не взяться за стопы, двух-
сложные ль они или трисложные. В сих по двух неударениях бывает
возвышение, а в тех по одном. Итак, взялся я всех прежде за стопу
хорея, в коем одно сперва ударение, а потом краткий слог. <…>

Хотя главнейшее основание новых моих стихов и нашлось
вдруг самое твердое, или лучше жизнь их и душа единственно, од-
нако вся моя система не получила себе сперва от меня желаемого
мне самому совершенства. <…> Весьма уже после привел я мою
систему в надлежащую исправность и полноту: напечатана она не-
давно в первом томике книжек, названных сочинениями и перевода-
ми. Теперь ей краткое самое описание следует <…>

Се уже описано новое стихосложение, начавшееся с 1735 года,
а утвердившееся и к совершенству между тем приведшая многих
наших стихотворцев сочинениями эпистолярными, одическими,
трагическими, апологетическими и другими поэзии родами <…>.
Напоследок, сличающему сию новую систему с самым древним
нашим стихотворением, ясно всякому есть, что сия во всем подоб-
на оному первобытному нашему, кроме рифмы. Следовательно, сия
система справедливее называться долженствует возобновленною, а
не новою <…>.